

80 лет со дня рождения

Стук резца по камню

рассказ

Дуас Валеев

СОГЛАСНО, но словно нехотя приняла тело земля. Стояли морозы. Трудно было долбить землю. Но выдолбили. У гигантской отвесной стены, вознесенной над створом двух рек, у самого её подножия, появилась первая могила.

Слишком красно горе на людях. Слишком заботами убито. Но отошёл, угас в ночной тьме шум, и стало так, ровно хозяина избы, странного человека с тоскующими глазами, и не было. Всё, что раньше было, так в мире и осталось, а его не было.

Прилила тишина, остро и резко обнажилось его отсутствие. Непривычно пустая и чисто, без морщинки, застланная рядом, стояла кровать, на которой ещё два дня назад он лежал полуживой. Сюда принесли его, всего переломанного, ушед-

шего в беспамятство. В радостном угаре своего художества потерял он опаску – нога, что ли, подвернулась, а может, верёвка не выдержала крика блаженства. Принесли и инструмент, каким он скалу в створе рек превращал в красоту.

Был Блажной человеком пришлым в этих местах и жил не тем, чем испокон веков жил мир, потому и похоронили его отдельно. Может, душа нечеловеческая у пришлого? Станет ли человек огромный камень чуть ли не в версту длиной, какой сотворила природа в створе двух рек, в дождь ли, в холод ли истязать бессмысленным непонятым трудом? Вырезал бы, как было поначалу, из дерева всякую мелкую всячину. И то баловство, если о нём все думы, а работа на земле – лишь бы не помереть с голоду. Но удаль ещё большая ударила пахаря в темя – люди в округе только качали головами – вечный камень вознамерился резать, целый сколок коренного берега в неопишемую якобы красоту превращать. По силам ли человеку переделывать сотворённое Богом? Свою красоту противопоставлять красоте, которую он уже создал?

Двадцать лет ползал по отвесу стены Блажной. Сам постарел, жена состарилась, а блажь все крепче. Может, верёвка не выдержала, а может, терпение человеческое кончилось. Так это или не так, но и в последние три дня земной жизни, проведённые им в совершенном беспамятстве, руки его шевелились. Память о начатом великом труде жила в них. В работе и умер – последний раз вроде бы ударив по невидимому резцу.

И теперь резец, по которому сделан был им последний удар, держал в руках его сын.

– Чего ты молчишь? Все эти дни ни слова. Не молчи! – говорил он матери.

Она посмотрела на него спокойными глазами.

– Ты поплачь лучше, пореви немного. Пореву, и отпустит, – сказал ей сын ещё раз.

Но глядела напряженно мать – в прошлое ли, в будущее ли? – и не сдвинулась с места.

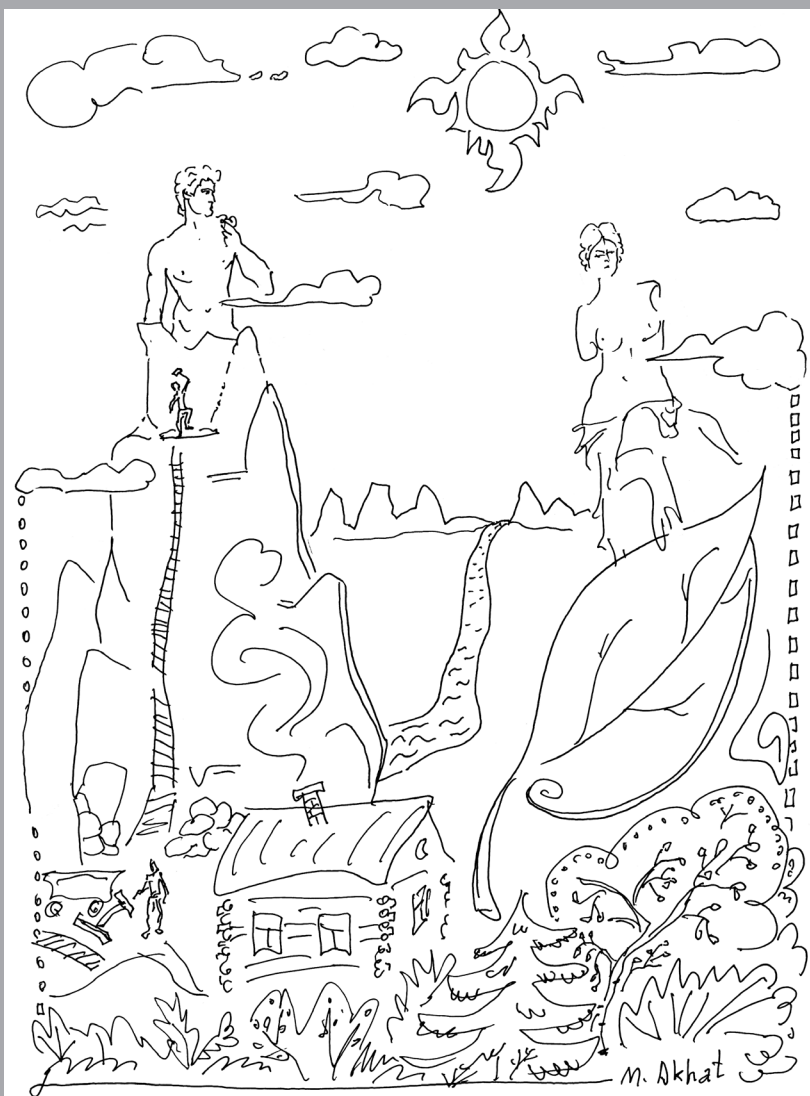
– Любовь свою хотел твой отец на земле оставить. Навечно оставить, – тихо сказали её губы, забывшие было слова. – Бог наказал. Нельзя навечно.

И рухнула вдруг старая женщина, уронила голову. Плечи только мелко затряслись. Так плакали все в её роду. Только плечи подрагивали. Мелко-мелко. Но плакала теперь она уже не по мужу. По сыну. И он родился на свет с поющими глазами. И теперь уже ему, сыну, надо было думать и заботиться о красоте на земле. Старая женщина плакала, а сын её, высокий парень в шапке чёрных волос, но белолицый, и глаза как две капли льда, вдруг улыбнулся чему-то. Руки его были давно заражены нетерпением, а теперь ещё крепче сжали резец. Свой рисунок зазвучал, загорелся в душе, встал видением, и он улыбался судьбе, которую оплакивала его мать.

Словно гонимый чем-то, он ступил за порог.

Луна сияла, окружённая утроенным кольцом, и бесконечно лились, когда открылось на взгорье поле, белые снега в её слабом свете, покрытые ледяной блестящей коркой. Молчание и неизвестность несли в себе необоримые снежные пространства. Знакомой тропой бежал он к скале. Но здесь страх, что не сможет, не выдержит, вдруг нашёл на него посреди онемевшего ночного простора – две скованные льдом реки, как две стрелы в вечность, и над ними, в свете луны, словно летящее куда-то гигантское изображение... Хватит ли жизни? Но запело имя. Имя и будет водительствовать. И свою любовь он оставит навечно миру. Навечно – в этом всё... Ибо вечнее вечного только любовь. В ней начало и венец всего на земле и на других землях, которые в небе.

И на следующий день люди увидели, что уже снова кто-то висит на веревках на скале и бьёт молотком по резцу. И побежали по округе слухи, что Блажной и своего несчастного сына заразил болезнью, какой болела его собственная душа. Привычный стук возник и на следующий день, и на другой. Три де-

сятилетия с лишним, год за годом, раздавался над створом рек звон ударов по камню. Он прекратился только – и то на время, – когда у подножия скалы появилась вторая могила.

Лист отрывается от ветки и летит, чтобы дать место молодому листу следующей весной. Был и нет, снегом запоорошило. Земля совершает круг по небу – и у неё, наверно, свои утраты и новости. Слышит ли она за ними, чувствует ли, когда её тела касается последним прикосновением упавший лист или человек?

Разрывалась в свой срок связь с деревом жизни и, подобно листу под порывом ветра, опадала, отрывалась от

ствола земной красоты и любви и жизнь мастеров из рода Блажных. Была жизнь, и вроде уже нету. Нет, но стук резца по камню продолжался. Реки, слившись, бились волнами о берег, унося песчинки одна за другой. Река жизни, накатывая волны рождений и смертей, оставляла свой след: на огромной стене – линии, полные таинственной красоты и очарования, у подножия её – могилы. Мечта, труд, смерть – всё шло по кругу. Переплавлялось из века в век в любовь, в её знаки...

Гигантские, словно летящие изображения парили над водной гладью. А внизу, у подножия стены – спящие мастера.

1979